



ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПАРТНЕРСТВА В РОССИИ

3 декабря 2011 г. Президент России подписал Федеральный закон «О хозяйственных партнерствах». Новая организационно-правовая форма вызывает недоумение и настороженность у разработчиков ГК РФ. Обоснованы ли опасения Совета по кодификации?



Евгений Суханов,

заместитель председателя
Совета по кодификации и
совершенствованию гражданского
законодательства, доктор
юридических наук, профессор

— Закон чудовищен. Такого акта наше законодательство не знало со времен Указов о трасте и о залоговых аукционах (вероятно, не случайно, что все они из одного источника — в данном случае из компании «РОСНАНО», возглавляемой непотопляемым А.Б. Чубайсом). Закон широко распахивает двери для любых мыслимых и немыслимых злоупотреблений и афер, поскольку легализует возможность создания корпораций, всеми делами которых по секретному нотариальному соглашению будут заправлять глубоко законспирированные третьи лица. В роли этих лиц, надо полагать, охотно выступят чиновники и депутаты, которым запрещено заниматься коммерческой деятельностью, а также другие инвесторы, по разным причинам не желающие светиться перед обычными участниками оборота. Никакого отношения к инновациям это партнерство, разумеется, не имеет — у него общая правоспособность, а об объектах исключительных прав там случайно уцелело лишь два малозначительных упоминания. Отсутствие минимального капитала и полная свобода внутренней организации предлагаемого партнерства удачно сочетается в Законе с полным произволом публичной власти — правительство вправе по своему усмотрению определять сферы деятельности, где партнерствам понадобится соблюдать столь же произвольно определенный «норматив доста-

точности собственных средств». Воистину *summum jus — summa injuria* (высшее право — высшая несправедливость)!

Стоит также отметить, что ускоренное прохождение этого Закона через парламент свидетельствует как об уровне депутатского корпуса (большинство депутатов, скорее всего, не поняли, за что они голосуют, хотя думский Комитет по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству дал на этот законопроект резко отрицательное заключение), так и об истинной цене постоянно декларируемых намерений по борьбе с коррупцией.

Такого Закона и закрепленной им формы юридического лица не знает ни один современный правопорядок, включая законодательство штатов Делавэр и Нью-Йорк. Мы опять впереди планеты всей и опять не в той сфере, где следовало бы.



Дмитрий Степанов,

партнер Адвокатского бюро
«Егоров, Пугинский, Афанасьев и
партнеры», кандидат юридических
наук

— Появление Закона, регулирующего деятельность хозяйственных партнерств, в целом вполне закономерно — рано или поздно нечто подобное должно было появиться. В связи с этим есть одна хорошая новость и две плохие.

Первая новость — хорошая. Почему появление подобной организационно-правовой формы закономерно с точки зрения развития отечественного законодательства? Ответ очевиден: при довольно жестком регулировании корпоративных и договорных отношений, регулировании, по сути своей все еще являющемся советским, а потому императивным и ограничительным, рано или поздно должно было появиться регулирование, позволяющее решать вопросы иначе. В итоге создан анклав, в котором отныне в рамках корпоративной формы дозволено практически все что угодно. Подобная либерализация, пусть и наблюдаемая в ограниченной сфере применения в корпоративных отношениях, может всемерно приветствоваться.

Вторая новость не очень хорошая. Закон о хозяйственных партнерствах, как бы его ни критиковали за отдельные юридико-технические решения, является реакцией на нежелание российского юридического истеблишмента системно заниматься реформированием корпоративного законодательства. В итоге все те недостатки, за которые указанный Закон критиковали и еще будут критиковать, можно обратить против тех, кто до сих пор противится либерализации правового регулирования непубличных корпораций. Именно из-за нежелания однажды взяться и сделать гибкую форму ООО либо того же командитного товарищества со множеством опций корпоративного договора, межкредиторских соглашений, вариативной компетенции органов управления у нас и дальше будут возникать подобные креатуры. По моему глубокому убеждению, либерализацию правового регулирования необходимо было проводить не путем создания специальной организационно-правовой формы и специального закона, никак не соотносимого с ГК РФ, а реформировать существующие формы коммерческих организаций.



Кстати, пример подобной либерализации в рамках универсальной формы закрытой корпорации можно видеть в Голландии, Гражданский кодекс которой когда-то оказал самое сильное влияние на ГК РФ: летом 2012 г. ожидается вступление в силу поправок к ГК Нидерландов, благодаря которым голландское *BV* станет еще более гибким, чем российское хозяйственное партнерство. Нам, конечно же, делать ничего подобного нельзя, ведь мы к столь либеральным решениям пока не готовы, нам нужно чего-то ждать, видимо, использования русскими коммерсантами не только английских *LP*, но теперь и голландских *BV*. Словом, противникам хозяйственного партнерства полезно было бы ознакомиться с поправками в голландский ГК, принятыми уже год назад. Возможно, если был бы учтен зарубежный опыт, не пришлось бы создавать специальную форму ведения бизнеса, ограничившись реформой ООО или ЗАО.

Третья новость немного пессимистична. У этого законодательного решения есть серьезный политико-правовой изъян: мало того, что создается специальная организационно-правовая форма юридического лица, она еще и выводится за рамки заданной ГК РФ систематики юридических лиц и помещается в специальный закон, имеющий слабую связь с Кодексом. Хозяйственное партнерство, конструируемое как новая юридическая сущность, конечно, лишено тех «родовых травм», с которыми придется существовать всем прочим российским корпорациям, — излишней зарегулированности, отсутствия реальной свободы договора во внутрикорпоративных отношениях и императивности норм. Однако эта же привлекательная черта новой формы может оказаться ее ахиллесовой пятой: в ситуации, когда к хозяйственному партнерству помимо специального Закона будут применяться нормы ГК РФ, регламентирующие лишь общие положения о юридических лицах (даже не общие положения о хозяйственных товариществах и обществах!), многие практические вопросы деятельности партнерства рискуют оказаться вне текущей правовой референции. Если в иной ситуации юрист-практик или суд, рассматривающий спор, могли бы обратиться к другому правовому акту (ГК или специальному закону), регулирующему сопредельную форму, то в данном случае эта опция по умолчанию исключена. Да, никто аналогию права и закона не отменял, только замысел законодателя, сознательно вынесшего за скобки форму хозяйственного партнерства, изначально состоял именно в том, чтобы разорвать связь этой юридической сущности с иными организационно-правовыми формами юридических лиц. Соответственно, применение по аналогии норм об ООО и АО на практике формально-юридически, мягко говоря, не столь очевидно, несмотря на то что вопросы, с которыми всем нам придется сталкиваться ввиду этих изменений, судя по всему, мало чем будут отличаться от того, что мы видим в ООО или ЗАО.

Более того, если за существующими организационными формами, создаваемыми сотнями тысяч и даже миллионами, стоит массив судебной практики, плохо или хорошо, но позволяющей находить ответы на злободневные вопросы, то за экзотическим для большей части оборота хозпартнерством какой-либо существенной правоприменительной практики (государственных или третейских судов) не последует. А потому практикующему юристу понять, работают ли в хозяйственном партнерстве реально те же *tag / drag-alone rights*, опционы, отказы от прав, *indemnity*, межкредиторские соглашения, равно как и многие иные прогрессивные конструкции, будет еще сложнее, чем в отно-

шении российского ООО или ЗАО. Соответственно, пока что многие благие пожелания, реализованные в рамках обсуждаемой конструкции, будут сопряжены с рисками слабой (или нулевой) судебной защиты. Это опять возвращает нас к необходимости системной перестройки всего корпоративного и договорного права — без создания полноценного коммерчески ориентированного общегражданского законодательства отдельными законами или организационно-правовыми формами проблему не решишь.



Александра Нестеренко,

президент Объединения
Корпоративных Юристов

— Основное опасение, высказанное в заключении Совета по кодификации касательно Закона о хозяйственных партнерствах, связано с недопустимостью определения корпоративной структуры и порядка принятия решений в партнерстве, а также широкого круга иных вопросов, что предусмотрено в соглашении об управлении.

Озабоченность ученых понятна, но следует принять во внимание, что наличие в хозяйственном партнерстве одновременно устава, являющегося учредительным документом, и соглашения об управлении отвечает мировой практике подготовки и реализации венчурных бизнес-проектов. Это предполагает возможность гибкого управления компанией на основании договора, сторонами которого могут быть не только участники юридического лица, но и само юридическое лицо, а также иные лица.

Хозяйственное партнерство является непубличным юридическим лицом, и внутренние отношения в такой компании в соответствии с лучшими международными прототипами могут и должны регулироваться общедоступным уставом (*certificate of incorporation*) и соглашением об управлении (*operating agreement*). Трудно согласиться с закреплением всех вопросов, которые в настоящее время отнесены к формату соглашения об управлении, в уставе, подлежащем государственной регистрации.

Такой подход невозможен хотя бы потому, что он не обеспечивает конфиденциальность информации о направлениях деятельности, условиях участия в проектной компании и порядке управления компанией для неограниченного количества третьих лиц, что принципиально важно для венчурной среды. Именно эта информация представляет наибольшую ценность для конкурентов, а в условиях высокой коррупциогенности и российской бюрократии государственная регистрация полностью исключает возможность ограничить доступ к единой базе данных об инновационных компаниях. Именно поэтому Законом предложен альтернативный государственной регистрации механизм нотариального заверения и хранения соглашения об управлении с обеспечением недискриминационного доступа контрагентов компании к такому соглашению. Подобный подход обеспечивает взаимный баланс интересов государства, кредиторов, участников компании и третьих лиц.

Следует отметить, что конструкция хозяйственного партнерства близка по своей сути к тому, что наиболее востребовано венчурным сообществом в иностранных юрисдикциях, а именно к организационно-правовым формам юри-



дических лиц, занимающим промежуточное положение между корпорациями и партнерствами и сочетающим в себе корпоративные и договорные черты.

Полагаю, что с введением хозяйственного партнерства и инвестиционного товарищества законодатель делает шаг навстречу инноваторам, которые готовы опробовать на практике новые формы ведения бизнеса.



Александр Хренов,

партнер юридической компании «Юков, Хренов и Партнеры», председатель комиссии по правам человека Ассоциации юристов России

— С сожалением констатирую, что разделяю опасения Совета по кодификации. Новая форма юридического лица не может не породить множество вопросов относительно ее необходимости и обоснованности предусмотренного в Законе механизма регулирования внутрикорпоративных отношений.

Прежде всего вызывает недоумение предоставленная Законом возможность описать в соглашении об управлении партнерством порядок регулирования практически всех связанных с его деятельностью вопросов. В частности, это относится к возможности создания непрозрачной системы управления и принятия решений, ограничения ответственности лиц, управляющих партнерством. Это влечет отсутствие у его участников каких-либо гарантий, в отличие, например, от участников хозяйственных обществ. Кроме того, положения Закона позволяют лицам, управляющим партнерством, свести к минимуму ответственность этой организации перед кредиторами, что может вызвать пересмотр судами подхода к разрешению вопросов ограниченной ответственности бенефициаров.

Все это в значительной степени расшатывает сложившуюся в действующем законодательстве систему корпоративных отношений и никак не может способствовать развитию инвестиционной привлекательности российской экономики.



Дмитрий Ломакин,

доцент кафедры гражданского права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, адвокат, доктор юридических наук

— Принятый Закон сам по себе одно сплошное опасение. Исчерпывающий ответ на вопрос, почему его нельзя было принимать, был дан в свое время в экспертном заключении Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 27.06.2011. С тех пор ничего не изменилось. Но логике, знанию, разуму, да и просто здравому смыслу, к сожалению, не вняли. Перечислять «достоинства» этого результата законотворчества можно сколь угодно долго, убавляя и дополняя их перечень. Не это главное, важно то, что было положено в их основу, а это, без сомнения, уничтожение закрепленных ранее в ГК РФ единых критериев разграничения коммерческих организаций, основанных на членстве, которые обеспечивали баланс интересов участников корпоративного образования и его кредиторов.

С одной стороны, Кодекс предоставлял участникам таких организаций льготы, позволяющие им не отвечать по обязательствам юридического лица, компенсируя данные преференции жесткой регламентацией процесса корпоративного управления, практически исключая из этой сферы договорное право (к подобного рода организациям законодатель отнес хозяйственные обще-

ства). С другой — наделил участников широкой свободой при решении вопроса о том, как должен осуществляться процесс управления, взамен возложил на них ответственность по долгам юридического лица (такие юридические лица получили статус хозяйственных товариществ).

Теперь появится нечто среднее, объединяющее в себе полную свободу и абсолютную безответственность, трансформирующую свободу в произвол. Участники хозяйственного партнерства не отвечают по его обязательствам (п. 2 ст. 2 Закона «О хозяйственных партнерствах»). Вместе с тем процесс управления партнерством определяется главным образом не Законом и даже не уставом, являющимся его единственным учредительным документом (п. 1 ст. 9 Закона), а обычным гражданско-правовым договором, именуемым соглашением об управлении партнерством (ст. 6 Закона). Помимо участников партнерства стороной такого соглашения может выступать как само партнерство, так и третье лицо, не имеющее никакого отношения к корпоративной структуре (п. 2 ст. 6 Закона).

На вполне естественный вопрос, а зачем же сторонам подобного соглашения вообще нужна корпоративная структура, если фактически управленческий процесс проходит вне ее рамок, ответ прост и очевиден — только из-за ограничения ответственности за плоды управления. Таким образом, хозяйственное партнерство изначально в силу факта своего создания представляет угрозу правам и интересам своих кредиторов.

Партнерство как организационно-правовая форма предпринимательской деятельности хорошо известна правопорядку Англии и США. В этих странах могут создаваться обычные партнерства (*partnership* — Англия; *general partnership* — США) и партнерства со смешанной ответственностью участников (*limited partnership*). В общих чертах они соответствуют нашим полным и коммандитным товариществам. По существу, партнерство рассматривается как разновидность договора, основанного на принципах коммерческого представительства. Для исполнения такого договора не требуется никакой корпоративной структуры, необходимой для английских компаний и американских корпораций.

Заметим, что правопорядку Англии и США известен институт ограничения ответственности партнеров, реализуемый в так называемых партнерствах с ограниченной ответственностью (*limited liability partnership* — *LLP*) и компаниях с ограниченной ответственностью (*limited liability company* — *LLC*)¹, рассчитанных на объединения лиц свободных профессий: адвокатов, аудиторов и т.д. Появление указанных организационно-правовых форм произошло относительно недавно и было вызвано вполне разумным стремлением юристов и финансистов минимизировать риски своей профессиональной деятельности. Вряд ли оправданно, когда адвокат или аудитор — члены партнерства

¹ В данном случае термин «компания» не делает LLC аналогом общества с ограниченной ответственностью, как нередко ошибочно отмечается в литературе, поскольку структура управления строится здесь не по корпоративному типу, а по типу коммерческого представительства, что обычно для партнерства.



вынуждены нести полную ответственность всем своим имуществом за допущенные профессиональные ошибки, от которых никто не застрахован.

Совмещение договорной свободы и ограничения ответственности в узкой профессиональной сфере еще можно понять и оправдать, но распространение этого симбиоза на весь предпринимательский оборот — вещь совершенно недопустимая, а именно к этому ведет появление хозяйственных партнерств.

И последнее. До сих пор всякого рода сомнительные эксперименты с юридическими лицами не затрагивали основного — положений Гражданского кодекса и проводились на уровне отдельных федеральных законов. Классическим примером может служить Федеральный закон от 19.07.1998 № 115-ФЗ «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)». Теперь ситуация изменилась. Упоминание о хозяйственных партнерствах появится в п. 2 ст. 50 ГК РФ, и, судя по сложностям, с которыми сталкивается реализация проекта изменений в Гражданский кодекс, это только начало процесса, не предвещающего ничего хорошего отечественной цивилистике.

Светлана Чеховская,

заместитель заведующего
кафедрой предпринимательского
права НИУ ВШЭ, доцент, кандидат
юридических наук

— Недавно принятые Федеральные законы от 28.11.2011 № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе» (вступает в силу с 1 января 2012 г.) и от 03.12.2011 № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» (вступает в силу с 1 июля 2012 г.) стали своеобразными ответами на поставленные вопросы активно развивающейся инновационной сферы. Будучи еще законопроектами, указанные акты получили скорее критическую оценку, чем поддержку в профессиональном юридическом сообществе.

Юристы редко бывают против самой идеи развития той или иной сферы, возражения всегда касаются используемых правовых средств, а также того, насколько предлагаемые изменения удастся вписать в действующую систему права. Не останавливаясь на деталях новых законов, хотелось бы коснуться именно этого аспекта.

Хотя Закон «Об инвестиционном товариществе» лишь подтвердил, что в силу свободы договора могут создаваться любые договорные формы, в том числе инвестиционные товарищества, однако он попытался создать в данной сфере гибридную форму организации бизнеса, сочетающую в себе договор и определенное организационное единство (близкое к товариществу на вере). Здесь можно сразу отметить главную проблему, которую нужно будет решать при реализации указанного Закона: в случае конкуренции основных принципов договорного права и принципов построения юридического лица каким из них будет отдано предпочтение?

Закон «О хозяйственных партнерствах» вводит в систему юридических лиц новую коммерческую организацию — хозяйственное партнерство. Тем самым российская система юридических лиц изменяется без учета затянувшихся обсуждений реформы ГК РФ. С одной стороны, принятие Закона соответствует общемировой тенденции поиска более гибких и низкзатратных форм веде-

ния бизнеса (речь идет, конечно, о закрытых формах ведения бизнеса). Но с другой — предлагаемые правовые средства управления таким юридическим лицом, формирования его имущества, статуса участников и несения ответственности показывают, что низкозатратность бизнеса для юридического лица влечет повышение затрат его контрагентов. Неопределенность корпоративной структуры, скрывающейся за фасадом такого юридического лица, потребует дополнительных расходов на снижение рисков для лиц, имеющих дело с хозяйственным партнерством.



Оксана Балаян,

управляющий партнер московского
офиса юридической фирмы
Hogan Lovells

— Принятие данного Закона означает для меня своего рода прорыв в сознании законодателя. Будучи главой корпоративной практики, я могу сказать, что реалии российского права на сегодняшний день таковы, что вопрос о выборе структуры сделки по приобретению бизнеса или создания совместного предприятия почти всегда решается в пользу применимого английского права и модели инвестирования через холдинговую компанию, учреждаемую в иностранной юрисдикции. Исключение, пожалуй, составляют только государственные инвесторы, которые в проектах обязаны использовать российское право в силу своего статуса. Российские нормы не признают и половины тех юридических конструкций, которые широко используются в международных инвестиционных проектах, а так называемая свобода договора, предусмотренная Гражданским кодексом, как известно, во многом существует только на бумаге.

В этом контексте, конечно, можно только приветствовать идею создания специальной правовой формы для осуществления венчурных инвестиций, в которой сведены к минимуму императивные нормы права, а также впервые отражен опыт мировой практики. Например, нельзя не отметить возможность включения в партнерское соглашение любых условий, не противоречащих законодательству, среди них — постепенное внесение вклада, непропорциональное участие в управлении и прибыли, самостоятельное определение структуры органов управления, введение запрета на осуществление конкурирующей деятельности и т.д. Также хотелось бы особо выделить предусмотренную возможность для самого партнерства и других лиц быть стороной партнерского соглашения, что должно повысить уровень исполнимости партнерских обязательств и, скажем, обязательств их поручителей или конечных выгодоприобретателей.

С критикой Совета по кодификации можно частично согласиться, и прежде всего в отношении технических аспектов отдельных положений Закона. Тем не менее в экспертном заключении явно присутствует некое сожаление о чрезмерном, с точки зрения авторов, уровне предоставляемой свободы правового регулирования, с чем я согласиться не могу. Партнеры должны иметь правовую возможность гибкого оформления своих отношений и абсолютно самостоятельно решать, каким образом будет осуществляться управление их бизнесом. Хочу все-таки подчеркнуть, что Закон был принят в российской манере. В частности, не внесены сопутствующие изменения в существующее корпоративное законодательство о деятельности акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью, а ведь именно они занимаются ведением бизнеса, являющегося конечной целью любого приобретения или



совместного предприятия. Это напоминает историю с Законом о Сколково, когда в отдельно взятом месте создается абсолютно новый субъект с совершенно особым правовым регулированием, который при этом должен каким-то образом действовать в контексте существующей системы права.



Сергей Крохалев,

юрист московского офиса
юридической фирмы
Baker & McKenzie

— Я и мои коллеги в целом положительно оцениваем принятие нового Закона «О хозяйственных партнерствах». Закон предусматривает совершенно новый, ранее неизвестный российскому корпоративному праву уровень диспозитивности (свободы) в регулировании отношений участников коммерческого юридического лица. Можно надеяться, что его принятие, а также применение на практике окажут положительное влияние на развитие российского корпоративного права, которое в целом отличается недостатком диспозитивности как на уровне норм права, так и в контексте их толкования судами.

Новый Закон отводит значительную роль договору между участниками, именуемому «соглашением об управлении партнерством». По смыслу закона устав партнерства будет содержать только самые базовые положения о партнерстве и его органах управления. В остальном регулирование отношений участников партнерства будет содержаться в соглашении об управлении партнерством. Такое соглашение заключается в момент учреждения партнерства и в силу ст. 6 Закона «может содержать любые не противоречащие закону условия по вопросам управления партнерством, деятельности, реорганизации и ликвидации партнерства». Помимо этого, большинство норм Закона «О хозяйственных партнерствах» являются диспозитивными, т.е. предоставляют участникам возможность предусмотреть в соглашении об управлении именно тот вариант поведения, который в наибольшей степени отвечает их интересам.

Отметим, что Закон «О хозяйственных партнерствах» содержит ряд положений, ограничивающих сферу его применения:

- партнерство не может быть учредителем (участником) других юридических лиц, за исключением союзов и ассоциаций;
- единоличным исполнительным органом (генеральным директором, президентом) может быть только физическое лицо, которое одновременно является участником партнерства;
- партнерство не вправе размещать рекламу своей деятельности.

С учетом этих ограничений сомнительно, что форма хозяйственного партнерства будет такой же востребованной, как, например, ООО или даже АО. Известно, что принятие данного Закона активно поддерживалось крупными российскими компаниями, инвестирующими в инновационные, в том числе венчурные, проекты. Вероятно, именно такие компании будут одними из первых использовать форму хозяйственного партнерства в своей деятельности.



Артем Жаворонков,

партнер международной
юридической фирмы *Salans*

— Новый Закон вызывает скорее не недоумение, а сожаление. Как говорится, хотели как лучше, а получилось как всегда. Несмотря на то, что он предполагает определенную гибкость в отношении управления хозяйственным партнерством, принятия решений партнерами и других вопросов, Закон имеет один изъян, который сводит на нет все его положительные стороны.

Дело в том, что в большинстве развитых стран законодательство о партнерствах преследует две цели: гибкость нормативного регулирования в отношении вопросов управления партнерством и, самое главное, отсутствие корпоративных налогов.

Если с первой задачей Закон может теоретически справиться, то вторая кажется неразрешимой, потому что по данному нормативному акту хозяйственное партнерство является юридическим лицом. Соответственно, все корпоративные налоги будут применяться к нему в полной мере. В большинстве стран партнерство не является юридическим лицом и не подлежит налогообложению на уровне самого партнерства. То есть налогообложение происходит на уровне партнеров после распределения прибыли. Именно это делает партнерство привлекательным инструментом для осуществления предпринимательской деятельности.

Не думаю, что новый Закон вызовет ажиотаж. Поскольку создание партнерства может быть невыгодным с точки зрения налогообложения, многие иностранные инвесторы предпочтут пользоваться одним из проверенных способов осуществления деятельности в России. Например, будут создавать партнерства в нормальных юрисдикциях и впоследствии открывать представительства или филиалы в России.



Антон Ситников,

партнер, руководитель
корпоративной практики и
практики слияния и поглощения
юридической фирмы *Goitsblat LLP*

— Действительно, введение в гражданский оборот хозяйственных партнерств как новой организационно-правовой формы в том виде, в котором она получила закрепление в соответствующем Законе, не может не вызывать определенных опасений. С одной стороны, внешне партнерство очень напоминает привычное ООО. С другой — Закон содержит значительное число разрешительных либеральных норм, которые, помимо правовой эластичности и давно существующих в западных правовых системах возможностей, создают предпосылки для неблагоприятного и противоречивого правоприменения с учетом высокой ригидности российской правоприменительной среды в целом.

Достаточно сказать, что Законом не установлен минимальный размер складочного капитала партнерства, при этом существует возможность участия в управлении партнерством лиц, не являющихся его непосредственными участниками, а также возможность сконструировать на основании специального договора сложную систему внутреннего управления, что вряд ли будет способствовать прозрачности ведения бизнеса.

Важно отметить, что хозяйственное партнерство предлагается не для узкого сегмента венчурных проектов, как в развитых юрисдикциях (не секрет, что



наш законодатель ориентировался прежде всего на английскую модель ограниченного партнерства), а представляется равноправной и рассчитанной, за некоторыми изъятиями, на весь хозяйственный оборот формой организации бизнеса.



Комментарии пользователей портала *Zakon.ru*



Георгий Сеньук,

помощник юриста
CMS, Russia

<http://constr.zakon.ru/>

— Появление Федерального закона «О хозяйственных партнерствах» является большим событием как для инновационного бизнеса, так и для юридических консультантов, сопровождающих бизнес в России. В частности, данный Закон решает несколько наиболее остро стоящих перед бизнесом проблем.

1. Возможность поэтапного внесения вкладов (*commitments*). Любой высокотехнологичный проект чаще всего подразумевает постепенное внесение вкладов в уставный (складочный) капитал по мере достижения определенных экономических показателей. Сегодня эти условия приходится подчинять иностранному праву. Новый Закон позволит включать нормы о порядке, сроках, размере вкладов в соглашения между участниками партнерств, а также предусматривать ответственность за неисполнение данной обязанности.

2. Соглашение об управлении партнерством дает возможность самостоятельно урегулировать порядок разрешения споров между участниками (в том числе разрешение *deadlock*), установить непропорциональное распределение голосов и прибыли (технология дороже вклада в капитал), запрет произвольного выхода из партнерства и запрет занимать должности в высокотехнологичных компаниях в течение определенного времени после выхода из партнерства (*duty not to compete*), а также многое другое. Однако важнейшей новеллой является то, что в случае неисполнения закрепленных обязанностей другие партнеры могут требовать через суд не только возмещения убытков и неустойку, но и исполнения обязанностей в натуре (*specific performance*). Возможность понуждения к исполнению в натуре является неременным атрибутом всех корпоративных соглашений на Западе. Соглашения акционеров АО или участников ООО лишены такого способа защиты.

3. Упрощенная процедура ликвидации партнерств. Необходимо исходить из того, что высокотехнологичный бизнес имеет куда более рискованный характер, нежели традиционные сферы деятельности — товары и услуги. Соответственно, и правила добровольной ликвидации в случае недостижения заявленных целей должны быть либеральнее. В частности, в соглашении об управлении партнерством можно определять, когда партнерство должно быть ликвидировано. Кроме того, партнерство может заключить соглашение с кредиторами — субъектами предпринимательской деятельности о полном или частичном прекращении обязательств.